

Иоселиани Аза Давидовна

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И ЕЕ ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКАЯ СТРУКТУРА

В статье исследуется проблема методологии социального познания. В частности, является ли гипотетико-дедуктивное строение теории приемлемым для организации теоретической формы социального знания. Автор статьи обосновывает тезис о том, что социальные теории формируются и функционируют в особой системе взаимосвязей и взаимодействий познающих субъектов и познаваемого мира. Применяемая в статье методология позволяет дифференцировать исторические и социогуманитарные науки по способам организации знания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-3/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 3. С. 71-73. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 165

Философские науки

В статье исследуется проблема методологии социального познания. В частности, является ли гипотетико-дедуктивное строение теории приемлемым для организации теоретической формы социального знания. Автор статьи обосновывает тезис о том, что социальные теории формируются и функционируют в особой системе взаимосвязей и взаимодействия познающих субъектов и познаваемого мира. Применяемая в статье методология позволяет дифференцировать исторические и социогуманитарные науки по способам организации знания.

Ключевые слова и фразы: социальная теория; гипотеза; методология социального познания; логическая структура гипотезы; социальное взаимодействие; дедуктивные теории; социогуманитарные теории.

Иоселиани Аза Давидовна, д. филос. н., профессор

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

aza-i@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И ЕЕ ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОЕ СТРУКТУРА

В современной методологии социального познания проблема социальной теории является одной из наименее разработанных. И основным вопросом данной проблематики является вопрос о признании в естественно-научной методологии гипотетико-дедуктивного строения теории в целях организации теоретической формы социального знания. От ответа на этот вопрос зависит, как будет решаться вопрос о единстве мира и о единстве познания. Так, например, если допустить, что историческая действительность является продуктом целесообразной деятельности социума и отдельно взятой личности, то из этого следует вывод о принципиальной противоположности социальных наук наукам естественным [3].

Представителями данной, так называемой автономистской, позиции являются Г. Риккерт, Р. Дильт, Э. Гуссерль, Р. Коллингвуд, Б. Кроч и многие другие философы, считающие, что мир человеческой истории – это сфера проявления человеческого естества (духа), а мир природы – это царство слепой необходимости и закономерности. Основная идея автономизма состоит в том, что мысль о деятельности разума не зависит от естественных наук, а деятельность разума, в свою очередь, не зависит от природы [6, с. 304]. Однако если исходить из того, что историческая реальность – это не антипод природной действительности, и в исторической реальности действуют законы, охватывающие все уровни реальности, то рухнет фундамент, на котором строится онтологическое обоснование автономизма. Таким образом, отвергается сама точка зрения, в соответствии с которой для социального познания не требуются научные теории. И этим делается первый шаг на пути методологического решения проблемы структуры социальных теорий [1]. Необходимо помнить, что научная теория является сложным системным объектом. А следовательно, здесь правомерны структуризация данного объекта и применение по отношению к нему различных методологических подходов.

Логико-методологический анализ социальной теории требует рассмотрения утверждений, связанных с такой системой взаимоотношений, которая разделяет эти утверждения на различные степени общности, соответствующие данным утверждениям.

При этом следует учитывать, что высшей ступени соответствуют общие утверждения, низшей ступени соответствуют более конкретные утверждения, которые фиксируют эмпирические социальные феномены. Таким образом, при построении данной социальной теории выделяется процесс выдвижения гипотез, ориентированных на получение более общих утверждений, и процесс выдвижения гипотез, ориентированных на получение менее общих утверждений.

Что касается самих гипотез, то они подразделяются на обоснованные в контексте наличного знания и, соответственно, необоснованные. Принципом деления здесь является отношение к знанию, которое существует в момент выдвижения этих гипотез.

Среди группы необоснованных предположений следует выделить гипотезы-догадки. Для них характерно отсутствие как сознательного обоснования, так и эмпирически обоснованной гипотезы.

Обоснованные гипотезы с учетом наличного знания делятся на теоретически обоснованные и полно обоснованные. Различие между полно обоснованными гипотезами и теоретически обоснованными заключается в том, что полно обоснованные гипотезы согласуются с опытными данными [5, с. 100-101].

Для составления социальной теории необходимо систематизировать все эти множества предположений по правилам распределения в соответствии с уровнем общности. Причем очень важным моментом является процесс экспликации и различения двух видов предпосылочных соображений – частных и общих. Если выявленные предпосылки показывают некую общность, то данная теория является целостным гипотетико-дедуктивным построением.

При указанном способе утверждения социальной теории выделяются из текста ее изложения посредством предположения, в соответствии с которым социальная теория рассматривается как некое гипотетико-дедуктивное построение [2]. Исходя из этого, социальные теории следует интерпретировать как образования, аналогичные естественно-научным теориям.

Однако существует позиция, согласно которой гипотетико-дедуктивную теорию следует считать явлением, чужеродным социальному познанию. В соответствии с данной точкой зрения, представителями которой являются Г. Гарфинкель, П. Бергер, Т. Лукман, Х. Закс и др., гипотетико-дедуктивный метод оправдан лишь

для естественно-научных теорий, поскольку там возможно вырабатывать общие гипотезы, которые для научного сообщества укладываются в рамки стандартных представлений. В данных представлениях описывается внешний мир, лишенный имманентных смысловых структур. Вместе с тем указывается на формирование и функционирование социальных теорий в иной системе взаимодействий и взаимосвязей познаваемого мира и познающих субъектов. Познаваемый мир является системой социальных взаимодействий. И в связи с этим возникает вопрос: если социальные взаимодействия базируются на процедурах интерпретации, используемых участниками, и данные процедуры могут быть поняты только внутри социально организованных обстоятельств, где обусловлено их применение, то каким вообще образом возможно построение дедуктивных теорий социального взаимодействия [11, с. 78]? Подобная постановка вопроса видится обоснованной, поскольку эти социологические объяснения явлений сами есть не что иное, как интерпретации. Если не учитывать структуры значения, они теряют всякий смысл, оказываясь глубоко в зависимости от того или иного контекста. И, в соответствии с правилами дедуктивного вывода, это исключает возможность «социальных описаний» [Там же, с. 76].

Обоснование дедуктивного вывода обусловлено языковой формой социологических описаний, которая строится по правилам синтаксиса и грамматики таким образом, чтобы слова, считающиеся социологическими терминами, оказывались включенными в предложения, которые состоят из многозначных слов. То есть язык социологической теории не может быть отличным от естественного языка. Только связывая социологические понятия с обыденным языком по правилам традиционной грамматики, мы конструируем значимую социологическую теорию [14, р. 187]. Другими словами, процесс формирования теории по факту происходит на базе имеющихся у ученых обыденных представлений о природе исследуемого мира [12; 15].

Формирование подобного понимания соотношения социальной действительности и социальной теории базируется на двух основных предпосылках.

Первая предпосылка заключается в истолковании социального мира как системы, основывающейся на фундаментальных структурах значения.

Вторая предпосылка касается постулата о том, что социальная (социологическая) теория строится на основе частных утверждений, составляющих данную теорию. Особенность данных предположений состоит в том, что они функционируют в сфере обыденных представлений. Это приводит нас к выводу о неправомерности и нецелесообразности разработок гипотетико-дедуктивных теорий в социальном познании.

Наибольший интерес представляет анализ предпосылки феноменологической интерпретации, касающейся соотношений социальной теории и реальности и допустимости гипотетико-дедуктивной организации теоретических систем гуманитарного знания. Здесь важное значение придается рассмотрению языка, а также различных лингвистических теорий.

При исследовании природы естественного языка необходимо определять критерии выбора различных теоретических допущений. Дело в том, что язык нельзя слышать в перцептивном значении этого слова [9, с. 119]. Следовательно, в процессе познания языка в качестве системы нельзя основываться только на применении результатов анализа исследуемых речевых актов.

Следует отметить, что экспериментальными средствами фиксируются лишь проявления системы, но не сама система [13, с. 405, 407]. Природа естественного языка требует неявного принятия гипотез, которые образуют «ядерную часть» лингвистических теорий. Так, как показал Ван де Вельде, любой индуктивный эмпирический подход в языкознании предполагает наличие у исследователя более широкого взгляда, чем простое парадигматическое вертикальное рассмотрение элементов языковых выражений [15, р. 47-49]. Можно предположить, что в указанном отношении лингвистика свидетельствует об участии всех общественных наук в той мере, в которой свойственные им теории объясняют строение систем социальной действительности.

Необходимо подчеркнуть, что в контексте обсуждения специфики строения социальных теорий следует обращать внимание на целесообразность их дифференциации в зависимости от принадлежности к наукам социально-экономического или исторического цикла, а в этих пределах – по степени общности, объектам исследования и т.д. Так, например, общесоциологические и политэкономические теории в структурном отношении гораздо ближе к естественно-научным, нежели исторические концепции. Следовательно, и вопрос о структуре теории может быть решен неоднозначно: сомнению может быть подвергнуто (и подвергается) не только гипотетико-дедуктивное строение исторических теорий, но и наличие самих теорий в корпусе исторических текстов [4, с. 202-208]. Это приводит нас к следующему выводу: в определении природы исторических теорий отсутствует единый философско-методологический подход, а существует множество взаимоисключающих подходов. Так, например, В. В. Косолапов выделяет такие составные части исторической теории:

- а) аксиологическая составляющая (классовые оценки, мировоззренческие выводы);
- б) методологическая и методическая составляющая (законы и принципы исторической науки, основные философские положения и методики конкретного исторического исследования);
- в) феноменологическая составляющая (эмпирические законы, абстракции, историческое описание и предсказание, вытекающие из описания) [7].

В. В. Косолапов подчеркивает значение философских принципов в системе исторического знания, уделяет внимание ценностным характеристикам исторического знания. Это важно, поскольку позиция, где отрицаются ценностные компоненты в структуре исторического исследования, – это позиция узкого гносеологизма, в рамках которой ученый-историк предстает не как реальный человек, а уподобляется интеллектуальной машине, анализирующей факты и конструирующей теории вне всякого (личностного, социокультурного и др.) отношения к ним.

Позиция, исключающая ценностное отношение и оценку из состава исторического познания, в наши дни распространена широко. «Историческая наука, – пишет, например, Э. Н. Лооне, – не создает ценностных представлений, историческое знание не содержит ценностных высказываний» [8, с. 131].

Э. Н. Лооне главным элементом исторических теорий называет историографические законоформулировки. По мнению Э. Н. Лооне, прежде чем строить исторические теории, необходимо сконструировать «модели из абстрактных объектов» [Там же, с. 199], позволяющие упорядочить эмпирический материал, создающие возможность сформировать теоретические структуры непосредственно в лоне исторического знания. За основу Э. Н. Лооне берет модель естественно-научной теории.

Аналогично поступает и А. С. Уйбо [10, с. 103]. В отличие от Лооне, который выносит «модель из абстрактных объектов» за пределы исторической теории, А. С. Уйбо включает в структуру исторической теории «базисный уровень». В нижний уровень структуры исторической теории, наряду с «нормативным», входят также «фактологический» и «конструктивный» базисы. А надстройкой являются «правила оперирования» и «онтологическая схема» [Там же, с. 73]. Благодаря существованию определенных связей между этими компонентами, теория функционирует как целостная система.

Согласно А. С. Уйбо, специфика исторических теорий как основной формы познания прошлого проявляется, прежде всего, в методе изложения результатов: если естественно-научные теории излагаются как совокупность общих законов, которые по возможности выражены системой уравнений, то исторические теории излагаются как цепь фактов, которые следуют друг за другом во времени. Если естественно-научные теории можно сформулировать как иерархию логически связанных предложений, то исторические теории следует формулировать как «беспредпосылочное» описание событий и действий [Там же, с. 155-156].

Если ограничиться наблюдением лишь видимых компонентов теории, можно сделать вывод о несовместимости естественно-научных и исторических познавательных форм. На самом деле речь идет только лишь об особых способах употребления той же самой познавательной формы научной теории. Но в первом случае познавательный процесс имеет направленность на открытие законов, а во втором – на установление фактов [Там же, с. 157]. Применительно к социальному познанию эта мысль звучит следующим образом: результаты социального исследования зависят от целей, объекта и методов социального исследования. Специфической формой выражения социального исследования является научная теория, выступающая в специализированных (социологических, исторических и др.) формах.

Описанный нами методологический подход достаточно перспективен, поскольку он не противопоставляет социальное и естественно-научное и способствует дифференциации социогуманитарных и исторических наук по теоретическим способам организации знания: политэкономические, социологические, лингвистические и другие общие концепции, выявляющие законы развития и функционирования общества. Данные законы носят преимущественно гипотетико-дедуктивный характер, в отличие от исторических исследований, где гипотетико-дедуктивный способ используется лишь для выделения общих законов общественного развития.

Список источников

1. Беркут В. П. Социально-философский анализ в методологии научного познания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2016. № 1. С. 14-23.
2. Дорожкин А. М., Шибаршина С. В. Гипотетико-дедуктивный метод научного исследования: область применения и основная интерпретация // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 2. С. 11-17.
3. Иоселиани А. Д. Гипотеза как фактор единства современного научного знания: монография. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ, 1999. 152 с.
4. Прибаджаков Н. Клио перед судом буржуазной философии. М.: Прогресс, 1972. 360 с.
5. Карпович В. Н. Проблема, гипотеза, закон. Новосибирск: Наука, 1980. 175 с.
6. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. М.: Наука, 1980. 485 с.
7. Косолапов В. В. Методология и логика исторического исследования. Киев: Вища школа, 1977. 384 с.
8. Лооне Э. Н. Современная философия истории. Таллинн: Ээсти раамат, 1980. 293 с.
9. Реформатский А. А. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 106-122.
10. Уйбо А. С. Теория и историческое познание. Таллинн: Ээсти раамат, 1988. 247 с.
11. Уолш Д. Социология и социальный мир // Новые направления в социологической теории / ред. Г. В. Осипов. М.: Прогресс, 1978. С. 47-80.
12. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях: в 2-х ч. М.: Просвещение, 1965. Ч. 2. С. 255-257.
13. Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 455 с.
14. Farber M. Phenomenology and existence. N. Y., 1967. 300 p.
15. Velde R. G. van de. Introduction a la methologie structurales de la linguistique. P. – Bruxelles: Fernand Nathan, 1974. 173 p.

SOCIAL THEORY AND ITS LOGIC AND PHILOSOPHICAL STRUCTURE

Ioseliani Aza Davidovna, Doctor in Philosophy, Professor
Financial University under the Government of the Russian Federation
aza-i@yandex.ru

The article studies the problem of the methodology of social cognition, in particular, whether the hypothetical-deductive structure of the theory is acceptable to the organization of the theoretical form of social knowledge. The author substantiates the thesis that social theories are formed and function in a special system of interrelations and interactions of perceptive subjects and the perceptible world. The methodology used in the study makes it possible to differentiate historical and socio-humanistic sciences according to the ways of organizing knowledge.

Key words and phrases: social theory; hypothesis; methodology of social cognition; logical structure of hypothesis; social interaction; deductive theories; socio-humanistic theories.